

Сов. Россия — 1991 — 4 сент

«В МОЕЙ РУКЕ — ЛИШЬ ГОРСТКА ПЕПЛА»

Полвека назад перестало биться сердце Марины Цветаевой

Владимирская земля, столь щедро одарившая мир талантами, хранит память и о Марине Цветаевой.

«Городок в черемухе, в плетнях, в шинелях...» Черемуха и рожь еще радует глаз. Путь по Рождественской (разумеется, бывшей) — через липовую тишь, между приземистыми домиками. Прямо вид на огромный Христорождественский собор».

«Деревянный домик, почти в поле. Рядом кладбище, холмы, луга. Прелестная природа», — делилась Цветаева в письме первыми впечатлениями от городка Александрова, когда приехала к сестре Анастасии. И пятнадцать лет спустя, в пригороде Парижа, как будто и не было «золы эмиграции», описала в «Истории одного посвящения» свои дни в Александрове: «Домик на окраине, лицом, крыльцом в овраг. Домок деревянный, бабь-ягинский. Зимой — сплошь печь (с ухватками, с шестками!), летом — сплошь дичь: зелени, пущей в окна».

Балкон (так напоминающий плетень) на балконе, на розовой скатерти-скатерке — громадное блюдо клубники и тетрадь с двумя локтями. Клубника, тетрадь, локти — мои». «1916 год. Лето. Пишу стихи к Блоку и впервые читаю Ахматову...»

Давно уже исчез балкон, перестроен и сильно обветшал дом, спилена липа, в тени которой любила работать Цветаева, залита асфальтом булыжная мостовая перед домом. Застроено и старинное кладбище.

Сегодня уничтожаются последние земные приметы «александровского лета» Марины Ивановны Цветаевой. Делается это по дремучему невежеству, возвращенному за десятилетия беспамятства, по нежеланию подняться над сиюминутными заботами, по неумению хранить память о Поэте на родной земле.

Родной! Для Цветаевой пребывание в Александрове стало чудесным и единственным возвращением в край всех ее «лесных предков от деда о. Владимира до прапрадеда Ильи», где совершилось обретение поэтом животворящего и глубинного народного истока.

Величая своего «Илья Муромца губернию», Цветаева признавала: «Оттуда... наш цветаевский род. Священнический. Оттуда — Музей Александра III на Волхонке (деньги Мальцева, замысел и

В эти трудные дни нашей Родины с душевной болью, с особой ясностью понимания пережили мы трагическую дату — 50-летие со дня смерти Марины Цветаевой. В последние годы вышло много книг поэта, почти все созданное ею, опубликовано. Но пока еще мало, предельно мало работ, осмысляющих место поэта в истории русской и мировой культуры.

Пригвождена к позорному столбу —
Славянской совести старинной,
С змеёю в сердце и с клеем на лбу,
Я утверждаю, что — невинна.
Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем,
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою — за счастьем.
Пересмотрите все мое добро,
Скажите — или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей руке — лишь горстка пепла!

И это все, что лостью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это все, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.
Пригвождена к позорному столбу,
Я все ж скажу, что я тебя люблю...

Это стихотворение, написанное в 20-м году, стало как бы лейтмотивом жизни и творчества поэта. Любить Родину, мать, отца, детей, любимого, любить навсегда и беззаветно отдавать всю себя — это то, чем жив человек. Этой любовью проникнута поэзия Цветаевой, способность любить помогала ей выжить и нести крест своей трагической судьбы, и лишь когда энергия любви покончила с собой.

Марина Цветаева — большой русский поэт, ее вклад в историю мировой культуры огромен, ибо талант ее проник в тайны и суть правды века.



четырнадцатилетний безвозмездный труд отца), отсюда мои поэмы по две тысячи строк и черновики к ним в двадцать тысяч, отсюда у моего сына голова, не вмещающаяся ни в один головной убор. Большеголовые все. Наша примета.

Оттуда лучше, больше, чем стихи (стихи от матери, как и остальные мои беды) — воля к ним и ко всему другому — от четверостишия до четырехпудового мешка, который нужно поднять — что — донести.

Оттуда — сердце, не аллегория, а анатомия, орган, сплошной мускул... Сердце не поэта, а пешехода».

Самые древние приметы родословной Марины Цветаевой на владимирской земле — в Суздальском черноземном ополье по реке Нерль, по берегам которой красуются ТРИ (!) домонгольских храма, в селе Стебачево бывшего Суздальского уезда, где в православном храме Иоанна Богослова церковные записи ведают о самых далеких цветаевских предках.

«Красною кистью
Рябина разжглась,
Падали листья.
Я родилась.
Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов...
Мне и до ныне
Хочется грызть
Жаркую рябину
Горькую кисть».

Эти стихи были написаны через месяц после «александровского лета» — периода с 22 июня по 8 июля (ст. ст.) 1916 года, отмеченного небывалым взлетом творчества. Это краткое свидание Поэта с краем

своих предков подарило миру целую тетрадь шедевров лирики в полтора десятка стихотворений.

«Москва, какой огромный страноприимный дом» — 8 июля. Под этим стихотворением запись: «Последние стихи в Александрове».

Были и другие приезды Цветаевой в Александров. Вершилось таинство стиха, но встреча эта с владимирским краем — родиной предков, единственной на пути Поэта на всю Прародину.

Ни села Талицы под Иваново, ни села Дроздово бывшего Шуйского уезда, где жили ее родичи, Цветаевой не суждено было увидеть.

Сегодня села Дроздово уже не существует, но именно там 12 лет, с августа 1841 года, служил священником ее дед, Владимир Васильевич. Там нашел он свое счастье и женился на круглой сироте, семнадцатилетней Катюше, и эта «избранница его сердца не принесла с собой никакого приданого», но одарила четырьмя сыновьями, ставшими гордостью Отечества...

Этой ей, Екатерине Васильевне, посвятила Цветаева стихотворные строки:

«У первой бабки — четыре сына.
Четыре сына — одна лучина,
Кожух овчинный, мешок пеньки,
Четыре сына да две руки!..»

В селе Талицы (ныне поселок Ново-Талицы) рядом с варварски уничтожаемым Ивановским лесхозом — архитектурным ансамблем Никольской церкви (1775 г.), где служил дед Поэта, о. Владимир, в старом доме, на сквозняке столетия, сохраненном усилиями двух поколений семьи Смирновых-Кочетковых, готовится к жизни Мемориальный музей Ивана Владимировича Цветаева.

Стихам М. И. Цветаевой наконец-то «настал черед» и в краю ее предков: они звучат на цветаевских праздниках поэзии в Александрове, цветаевских чтениях в Талицах, в спектаклях ивановского молодежного театра-студии, в концертных залах и цехах, живут в сердцах благодарных земляков, но наш долг перед Поэтом все более возрастает, требуя активных и решительных действий. Сумеем ли воздать должное памяти Поэта на родной земле, а вглядываясь в черты уходящего цветаевского Александрова, задумаемся: что оставим потомкам в наследство?

С. КОНТОРИН.
Александров.